

© 2017 г.

С.Ф. БЛУМЕНАУ

ДЕБАТЫ В УЧРЕДИТЕЛЬНОМ СОБРАНИИ ФРАНЦИИ ПО ПРОБЛЕМЕ ВЫБОРОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Блуменау Семен Федорович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Брянского государственного университета (Брянск, Россия).

Одним из результатов Французской революции конца XVIII в. стал грандиозный сдвиг в обретении гражданских прав и свобод. Уже 20 июня 1789 г. депутаты третьего сословия Генеральных штатов, только что провозгласившие себя Национальным собранием, дали клятву не расходиться, пока не примут Конституцию Франции. В мае 1791 г. многотрудная работа над этим документом, казалось, вступила в завершающую стадию. Теперь законодатели все чаще задумывались не только над судьбами родины, но и над собственным будущим по окончании деятельности Ассамблеи.

Представители правого крыла парламента¹ понимали, что в следующее собрание им не пройти. Поэтому они решительно выступили против самой возможности для депутатов нынешней Ассамблеи переизбраться в новую. Тем самым наносился удар по правящей либеральной когорте, которую ретрограды считали зачинщиком революции и проводником преобразований.

«Крайне левые» также добивались запрета на переизбрание. Но они ощущали рост своего влияния благодаря сдвигу в общественных настроениях, поддержке «братских обществ», кордельеров и части якобинцев. Их инициативность по вопросу об отказе членов Учредительного собрания бороться за депутатские места в законодательном корпусе сулила в будущем политические дивиденды и устранение сильных конкурентов — либералов.

К указанным течениям, не заинтересованным в переизбрании, добавилась огромная сила — депутаты-молчаливики. Из 1315 народных представителей и их заместителей 605 не брали слова ни разу, а 561 выступали редко и кратко², хотя и те, и другие присутствовали на заседаниях. Молчаливое большинство испытывало банальную, нередко жгучую зависть к блистательным коллегам, известным всей стране. Из этих трех составляющих и сложилась противоестественная коалиция, возобладавшая над либеральными реформаторами, желавшими продолжить парламентскую карьеру, чтобы своими талантами, опытом и знаниями содействовать укреплению новой французской государственности.

Таким образом, в спорах мая 1791 г. о возможности переизбрания депутатов на новый двухлетний срок сложились две неравные силы: известные политики и ораторы — конституционалисты явно уступали в численности объединившимся на время против них «правым», «крайне левым» и массе пассивных парламентариев. Позиции первых озвучил Ж.-Г. Туре — один из наиболее влиятельных законодателей, четырежды избравшийся председателем Учредительного собрания. Туре активно работал в нескольких комитетах Ассамблеи, сыграл одну из первостепенных ролей в административных

¹ О «правых» и «левых» в Учредительном собрании см. *Сергиенко В.Ю.* Когда появились «правые» и «левые». У истоков политической традиции. — Новая и новейшая история, 2007, № 4.

² *Lemay E.H.* Les révélations d' un dictionnaire: du nouveau sur la composition de l' Assemblée Nationale Constituante (1789—1791). — Annales historiques de la Révolution française (далее — AHRF), 1991, № 284, p. 161—162.

и судебных преобразованиях, плодотворно участвовал в дискуссиях по проблемам соотношения властей и нового церковного устройства. Руанский адвокат, он возглавил небольшую, но сплоченную политическую группировку «левый центр», которая с сентября 1789 г. стала лидировать в Конституционном комитете³. Показательно, что эту ведущую структуру Собрания два крупных французских историка назвали «комитетом Туре»⁴.

Главным оппонентом законодателя из Нормандии стал представитель «крайне левой» М. Робеспьер, который, наоборот, не работал ни в одном из комитетов Ассамблеи. Он выбрал удобную позицию «цензора», критикуя выступления политиков за их несоответствие «священным принципам». Коллеги зло подшучивали над его ораторскими дебютами. Но упорство и последовательность Робеспьера делали свое дело. Главное внимание он уделял Якобинскому клубу, где все чаще занимал трибуну. К весне 1791 г. его влияние на общественное мнение сделалось весомым.

В дебатах по поводу избирательных декретов оба оратора отталкивались от разного понимания народного суверенитета и представительного режима. Туре считал нормальным делегирование многих рычагов власти законодателям, но сам выбор представителей, в том числе возможность переизбрания прежних депутатов, оставлял всецело за народом. То был важнейший принцип, без твердого соблюдения которого вся представительная система теряла свое основание. Аргументация либерального политика носила юридический характер, и поэтому его подход можно назвать правовым.

Принципиально иным было толкование, предложенное Робеспьером. Он возражал «против странной системы абсолютного представительства», не встречавшей необходимого «противовеса в народном суверенитете»⁵. Для того чтобы депутаты действительно выражали интересы своих доверителей, считал он, им надо отказаться от корысти, материальной или любой другой. Поведение законодателей должно развеять даже возможные подозрения в «эгоизме». Поскольку депутаты намеревались вскоре принять Конституцию, им следовало продемонстрировать, что основной закон государства составлялся ими не «под себя». Наилучшим доказательством тому, по мнению Робеспьера, станет возвращение парламентариев в гущу народа, слияние с ним и отказ от переизбрания в следующее Собрание. Легко убедиться, что в подходе Робеспьера доминировала моральная мотивировка.

Обстановка была не одинаковой для тех, кто допускал возможность избрания членов действующей Ассамблеи в новую, и для тех, кто этому противился. Первым не торопились дать слово, их встречали ропотом, прерывали, тогда как вторым аплодировали. Либералов изображали жалкими себялюбцами, озабоченными не судьбами Отечества, а собственными мелкими амбициями. Им мешали выступать, требуя немедленного голосования, причем поименного, чтобы все знали этих «нехороших» людей.

Туре, хотя он и являлся официальным докладчиком Конституционного комитета, тоже поначалу пришлось столкнуться с тем, что в его выступление вклинивались другие, а кое-кто даже предложил формулировку декрета в духе, противоположном соображениям оратора. Однако Туре, который славился содержательностью речей и строгой логикой доводов, все же удалось завладеть вниманием аудитории.

Докладчик видел основу представительного режима в праве народа свободно выбирать своих депутатов. По его словам, эта прерогатива должна быть тем более уважаема, что она есть непосредственное проявление народного суверенитета. Наконец, на таком фундаментальном принципе базировалась вся Конституция.

³ О «левом центре» см.: *Блуменау С.Ф.* Политические сочинения кануна Великой французской революции. — Новая и новейшая история, 2013, № 5; *Блуменау С.Ф., Салимон В.Ю.* Политические группировки Учредительного собрания революционной Франции (1789–1791). «Левый центр». Брянск, 2016.

⁴ *Furet F., Richet D.* La Révolution française. Paris, 1973, p. 117.

⁵ *Gueniffey P.* Histoires de la Révolution et de l' Empire. Paris, 2011, p. 222.

При этом оратор упоминал возражения оппонентов, в частности их мысль о том, что конституирующая власть, в данном случае Учредительное собрание, может определять избирательные правила. Туре не оспаривал этого тезиса, но указывал на необходимость «крайней осторожности всякий раз, когда речь заходит об ограничении основных прав народа». Он с тревогой говорил о том, что свобода выборов уже сильно сокращена не только из-за предписанных избирательных правил, но и вследствие декрета, обязывавшего каждый департамент выбирать депутатов лишь из своих жителей⁶.

Дальнейшее ограничение прав избирателей нетерпимо, считал Туре, поскольку тогда важнейший принцип народного суверенитета будет чаще нарушаться, чем выполняться. Отсюда — его несогласие с запретом на переизбрание действующих парламентариев. Туре недоумевал, почему конституционно избираемые граждане, которые полностью оправдали доверие населения в первый раз, не могут избираться вновь.

Борьба за максимально широкое пользование народом своими избирательными правами не была у докладчика ни тактическим ходом, ни данью сиюминутным целям. Она базировалась на глубоко выношенной позиции Туре и ведомого им «левого центра». Конечно, масштабное внедрение принципа выборности в новой Франции соответствовало устремлениям и действиям революционеров. Народ выбирал не только депутатов, но и должностных лиц департаментов и дистриктов, членов муниципалитетов и мэров, судей и даже священников и епископов. И все же часть членов Собрания порой предпринимала поползновения к тому, чтобы «перехватить» у нации ее избирательные функции.

Подобная попытка имела место во время дискуссии о регентстве, развернувшейся несколько раньше. В марте 1791 г. «левые» во главе с тогдашним лидером Якобинского клуба А. Барнавом ратовали за то, что, если понадобится избрание регента, оно должно быть осуществлено самим Собранием. Политик даже считал, что «быть назначенным Законодательным корпусом — то же самое, что быть назначенным народом»⁷. Туре со своей стороны настаивал на том, что нельзя отнимать у народа право выбора, «которым он может воспользоваться для назначения своего представителя в органы власти, так же как он выдвигает тех, кто представляет его в Законодательном корпусе»⁸. В итоге позиция наиболее влиятельного деятеля Конституционного комитета восторжествовала: постановили, что при необходимости посредством народного голосования будет сформировано особое собрание только для избрания регента.

Если у Туре ведущая роль нации сводилась к выборам, пусть и частым, а в дальнейшем судьбы страны вершились депутатами, получившими полномочия от избирателей, то Робеспьер представлял себе народный суверенитет иначе. По его словам, собственно народ оказывает решающее воздействие на политику, законодательство, Конституцию. Рассуждая о последней, этот радикал настаивал на том, что Конституция «зародилась вовсе не в головах тех или иных ораторов, а вышла из самой гущи общественного мнения, которое нам (парламентариям. — С.Б.) предшествовало»⁹.

Такие мысли соответствовали скорее концепции прямой демократии, нежели представительной. Вместе с тем политик не ставил под сомнение необходимость депутатского корпуса, его законодательных функций. Но между робеспьеровским пониманием народного суверенитета, сохранением депутатского корпуса и его роли возникало противоречие. Разрешение проблемы выступавший видел в отказе народных избранников от всех личных выгод и преимуществ, от взглядов на население сверху вниз и даже «со стороны». Они должны были полностью слиться с нацией.

⁶ Archives parlementaires de 1787 à 1860 (далее — AP), Première série (1787—1799), t. I — XXXIII. Paris, 1862—1888, t. XXVI, p. 114.

⁷ Ibid., t. XXIV, p. 335.

⁸ Ibid., p. 266.

⁹ *Robespierre M. Oeuvres*, t. 7. Paris, 1950, p. 385.

Показательно, что говорил об этом Робеспьер, имея в виду самого себя: «Я не льстец, не повелитель, не трибун, не защитник народа: я — сам народ»¹⁰.

Сквозь призму своих воззрений на народный суверенитет и представительное правление якобинский деятель приступил к обсуждению дебатруемого вопроса о возможности переизбрания действующих депутатов в новое Собрание. По его мысли, следовало отказаться от любого личного интереса, даже когда речь идет о таком достойном для добропорядочного гражданина поприще, как соревнование за место в законодательном корпусе. Соответственно, и в работе над конституционным актом надо было максимально дистанцироваться от него в частном плане, чтобы не быть обвиненным в стремлении что-то выгадать для себя. Робеспьер утверждал, что «сама природа вещей воздвигла барьер между авторами Конституции и ассамблеями, которые должны последовать за ними». Обобщив свои мысли, он предположил, что его позиция полностью разделяется Собранием, поскольку у всех людей «одна и та же мораль, одно и то же сознание»¹¹.

В ту пору участники революционного процесса отталкивались от руссоистской теории «общей воли»¹², которая распространялась на все политическое пространство, тогда как разделение на «партии» поначалу еще рассматривалось как заблуждение или предрассудки, а позднее — как злонамеренные действия, требующие жестоких репрессий. Робеспьер по-своему развил эту идею в речи от 16 мая 1791 г., предложив концепцию морально-политического единства революционной нации.

В дальнейшем, с сентября 1792 по июль 1794 г., в робеспьеровском дискурсе мораль постепенно поглотит политику, а общество предстанет состоящим из «добродетельных» и «порочных» людей. От последних избавятся с помощью гильотины. Уже в указанной речи моральные доводы стали главными аргументами в пользу переизбрания. «Представьте себе, какой солидный авторитет придаст вашей Конституции жертва, объявленная вами самими!» — восклицал Робеспьер, имея в виду декрет, запрещающий всем членам данной Ассамблеи выдвигаться в следующую. В другом месте он с пафосом утверждал: «Ничто так не возвышает души народов, не формирует общественные нравы, как добродетели законодателей»¹³.

Характерно, что, будучи юристом, якобинский оратор весьма пренебрежительно отнесся к правовой аргументации. Он ссылался на опыт разных стран, исключавших переизбрание на важные magistrатуры, чтобы этим помешать честолюбцам «увекочиться» благодаря «интригам и легковерию народов». Что же касается сокращения реальных возможностей народного выбора, то Робеспьер высказался по форме двояко, а по существу — без возражений. «Безусловно, любое несправедливое ограничение, противоречащее правам человека... есть покушение на свободу народа... — подчеркивал он. — Но разве не продиктована самой любовью к свободе... любая мудрая и необходимая предосторожность... против интриг и злоупотреблений властью представителями?»¹⁴. Похоже, радикальный политик говорил от имени абстрактного народа вместо народа реального, не слишком озадачиваясь действительными пожеланиями избирателей Франции.

Правомерность отказа тогдашних народных представителей от переизбрания и опасности, грозящей стране в случае занятия законодателями противоположных позиций, — две темы, естественно соединенные в робеспьеровской речи. Выступавший подчеркивал невозможность для членов Ассамблеи, принявшей основной закон Франции, войти в следующее Собрание, поскольку они могли внести в Конституцию

¹⁰ Цит. по: *Бачко Б.* Робеспьер и террор. — Исторические этюды о Французской революции. М., 1998, с. 148.

¹¹ *Robespierre M.* Op. cit., p. 383.

¹² *Генифе П.* Политика революционного террора: 1789—1794. М., 2003.

¹³ *Robespierre M.* Op. cit., p. 384, 387.

¹⁴ *Ibid.*, p. 386.

выгодные для себя избирательные нормы или просто воспользоваться кредитом доверия населения благодаря предыдущей деятельности.

Серьезные угрозы проистекали, по мнению Робеспьера, из-за длительного (более двух лет) пребывания в парламенте: «Я остерегаюсь тех, кто в течение четырех лет (двух сроков подряд. — С.Б.) останется мишенью для ласкательства, для королевских оболщений, для соблазна от своей собственной власти, наконец, от всех искушений спеси и жадности»¹⁵. Таким образом, производными от переизбрания названы коррупция и честолюбивые амбиции, способные привести к разъеданию представительной системы. Опасность возрастала от того, что практика переизбрания, по мысли оратора, вела к закреплению в законодательном органе одних и тех же фигур. «Я не люблю, — говорил он, — когда ловкие люди, доминируя в одной ассамблее, могут своими методами подготовить, обеспечить свое господство в другой и увековечить... систему... которая бич свободы»¹⁶. Идея увековечения одного и того же состава законодателей казалась противникам переизбрания реальной. Предполагалось, что будут избраны те же депутаты «из-за неизбежного эффекта... привычки»¹⁷.

С конкретными и убедительными возражениями относительно доводов Робеспьера и других оппонентов переизбрания выступил Туре. Мысли противников были оспорены им последовательно, логично и остроумно. Докладчик Конституционного комитета опирался на глубокое знание права и отверг резоны тех, кто запрещал новое избрание действовавших депутатов из-за разной природы двух собраний.

Действительно, работавшая Ассамблея являлась конституирующей властью, а следующая — конституированной. Но Туре не видел здесь непреодолимого барьера: по окончании деятельности первого парламента его депутаты «возвращались в класс обычных граждан» и ничто не мешало нации, приступавшей к выборам, выдвинуть кого-то из них на места законодателей¹⁸.

Противники переизбрания возражали, что парламентарии не должны принимать статьи Конституции, соответствующие собственным электоральным интересам и, следовательно, те, кто организуют легислатуру, не могут в нее войти. В ответ Туре напомнил, что депутаты прописали лишь порядок выборов; они ими не распоряжаются. Право голоса принадлежит нации, избирателям, которые сохраняют всю полноту и свободу выбора. Оратор указал еще на одну нестыковку в доводах оппонентов переизбрания. Посредством выборов организовывался не только высший законодательный орган, но и ряд других учреждений — муниципалитеты, администрации департаментов и дистриктов, суды. Многие депутаты уже избралась в данные структуры, и никаких протестов на этот счет не последовало. А ведь принципиальной разницы между их созданием и формированием депутатского корпуса не было¹⁹.

Еще одно возражение оппонентов Туре было связано с особым характером одного из Собраний: для принятия Конституции требовалось сформировать специальный Конвент. В него, считали они, нельзя допускать прежних депутатов, ибо те являлись разработчиками основного закона и не могли голосовать за свое детище. Однако, подметил докладчик, тогда голосовался бы только проект, план, не вступивший в действие текст. В реальности же речь шла о работающем документе, поддержанном народом, выполняемом. «Мы имеем Конституцию, осуществленную, приведенную в жизнь, свершенную!» — восклицал Туре, чьи слова на сей раз были встречены овацией зала²⁰.

Робеспьер и другие противники переизбрания считали следствием такой возможности коррупцию и интриги. Туре возражал, полагая, что данные явления характерны

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Ibid., p. 385.

¹⁷ AP, t. XXVI, p. 115.

¹⁸ Ibid., p. 117.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Ibidem.

для случаев повторного избрания не больше, чем для первого обретения депутатского мандата. Оратор проводил сравнение французской практики с английским опытом, распространенное в ту пору, когда представительный режим встречался редко и в качестве его примера обычно использовалась Великобритания. Туре развеял некоторые мифы вокруг английской политической системы и указал на различия между двумя странами в этом вопросе. Докладчик отмечал, что версия о том, будто бы «платой» за переизбрание депутатов в Англии являлось право короля распускать парламент, не соответствовала действительности. Во Франции подобное тем более исключалось.

Туре сконцентрировал внимание на том, что во Франции гораздо труднее избраться, поскольку будущие депутаты баллотировались от департаментов, а не от небольших бургов, как часто бывало в Англии. Он имел в виду множество «гнилых» и «карманных» местечек, парламентские мандаты от которых широко продавались и покупались. «Этот народ позволил разложить свою Конституцию», — критиковал англичан французский законодатель. Зато, продолжил он, ничто «не мешало ему быть достаточно великим, чтобы закрепить полноту принципа», т.е. свободу выбора избирателя. При этом политик оптимистично предсказывал, что во Франции, где представительная система только установилась, «английского порока» — коррупции — не трудно избежать²¹.

Одним из главных тезисов оппонентов Туре стала мысль о том, что разрешение действующим депутатам переизбраться в следующие ассамблеи создает условия для увековечения одного и того же Собрания. Эти опасения во многом инспирировались, как уже отмечалось, британской практикой. Крупные землевладельцы, на чьих территориях находились «гнилые» и «карманные» местечки, фактически распоряжались избирательными округами и, в частности, могли продать парламентское кресло надолго. Срок работы избранного английского парламента одно время увеличили до семи лет²². Оба эти обстоятельства привели к меньшей сменяемости законодателей, но все же никак не означали постоянного членства в Палате общин.

Обращаясь к французской ситуации, Туре тем более решительно и доказательно оспаривал вышеуказанные предположения. Докладчик с сарказмом замечал, что во все не обязательное переизбрание противники изображают «настоящим эквивалентом конституционного постоянства», т.е. повсеместным избранием действующих депутатов. Можно ли предположить, что обновленный корпус выборщиков, избираемый каждые два года активными гражданами, назначит во всех 83 департаментах страны тех же, уже отработавших предыдущий срок законодателей? — с возмущением вопрошал он. По мнению политика, это крайнее преувеличение, которое никак не оправдывает нарушения основополагающего принципа свободы народного голосования. Туре просил также учитывать национальные особенности французов, их тягу к переменам: «Разве не в характере народа стремление к обновлению своего выбора?»²³.

Любопытно, что и антагонисты нового избрания прежних депутатов и те, кто, наоборот, допускал такую возможность, пользовались схожими тактическими приемами, играя одни на преувеличениях, другие на приуменьшениях. Первые превращали шансы, открывавшиеся для отдельных законодателей, в якобы реальную угрозу утверждения неизменного состава ассамблей, а вторые «недооценивали» возможное количество переизбравшихся, чтобы успокоить парламентскую аудиторию, привлечь ее на свою сторону. Тот же Туре убеждал коллег: «Мы хотим, чтобы можно было иметь в новом корпусе, я не говорю 50 членов, не говорю 20, а только 10 или даже одного (из действующих депутатов. — С.Б.)»²⁴.

Но то была, повторимся, тактическая игра, в то время как действительность выглядела иначе. Нам не дано узнать, сколько представителей нации в Учредительном

²¹ Ibid., p. 116.

²² *Айзенштат М.П.* Британия нового времени. Политическая история. М., 2007, с. 42, 59.

²³ AP, t. XXVI, p. 116.

²⁴ Ibid., p. 118.

собрании сделались бы депутатами Законодательного собрания, ибо запрет на переизбрание тогда победил. Зато в Конвенте, куда не мешали войти членам двух предыдущих парламентов, оказалось 87 деятелей Конституанты и 189 – Легислативы²⁵. Таким образом, выявилась неправомерность страхов об увековечивании депутатского корпуса и одновременно успокоительных заверений, что в новое собрание попадут из прежнего совсем немногие.

По ходу дискуссии обе стороны представили свой взгляд на то, каким должен быть парламентарий. Туре и либералы особое значение придавали интеллекту депутата и его опыту, тогда как Робеспьер и радикалы считали основным достоинством законодателя усвоение революционных принципов. По мнению последних, дарования политиков часто служили их собственным амбициям и преуспеянию, а не общественному благу.

Туре возмущал возможный запрет на переизбрание тех, кто в течение первого законодательного срока счастливо доказал свои таланты и лояльность, из-за чего народ и желал выдвинуть их на новый срок. Он призывал постичь настроения этих депутатов, одаренных природой сверх общего уровня. Оратор считал полезным соревнование больших талантов, единственным, но выдающимся вознаграждением для которых явилась бы слава переизбрания. Это, по его словам, могло стать «настоящим знаком патриотического анноблирования». Для отцов семейств такое отличие сделалось бы предметом гордости, пробуждая в сердцах их детей любовь к родине и желание послужить ей²⁶.

Робеспьер отрицал ценность для нового Собрания каких-то представителей предыдущего, их знаний и опыта. Он не ставил вопроса о важности талантов, способностей для законодательной деятельности. Требования к парламентариям у него были просты: знать законы и Конституцию. А поскольку принципы последней «выгравированы в сердцах» и запечатлены в сознании большинства французов, то новых депутатов найти будет нетрудно²⁷.

Отдельные законодатели в своем уравнительстве опережали время и, как позднее, в якобинский период, отвергали любые преимущества, пусть и связанные с личными качествами человека. Будущий депутат Конвента, а затем член Директории Л.-М. Ларевельер-Лепо произнес тираду, достойную санкюлотских активистов II года Республики, заявив, что «любое превосходство, даже в талантах, опасно для свободы»²⁸.

В ходе полемики о переизбрании Туре выдвинул в его пользу еще один аргумент. Возможность повторного избрания, сказал он, есть подтверждение права народа на свободное волеизъявление. Это должно удовлетворить нацию. Отсюда – рост доверия народа к власти и, как его следствие, мир в обществе. В таких условиях «законы... получают большое уважение», а «общественные власти – легкое послушание». В итоге, делал вывод Туре, «крупные движения, сопровождавшие работу над Конституцией, естественно закончатся с ее установлением»²⁹.

На наш взгляд, подобная умиротворяющая картина – это некая правовая и либеральная иллюзия, не учитывавшая расклада социальных сил и напряженности между ними. Правда, общественное спокойствие Туре связывал и с выборщиками, происходившими из класса граждан, желавших порядка и мира. Однако он упускал другую тенденцию – усиление и рост влияния «братских обществ», структур, способствовавших дестабилизации политической обстановки.

Глубже проникся проблемой другой деятель либерального крыла Ассамблеи, А. Дюпор – представитель группировки «левых», соратник А. Барнава. Он пытался разобраться в имевших место во французском обществе катаклизмах и делал

²⁵ *Бадентэр Э.Р.* Кондорсе (1743–1794): Ученый в политике. М., 2001, с. 274.

²⁶ AP, t. XXVI, p. 114, 117.

²⁷ *Robespierre M.* Op. cit., p. 384–385.

²⁸ AP, t. XXVI, p. 201.

²⁹ *Ibid.*, p. 116.

неутешительный вывод: «От ступеньки к ступеньке, господа, вас ведут к настоящей и полной социальной дезорганизации». Политик реалистично замечал, что этому уже трудно помешать, но можно «предохранить от непоправимой конституционной анархии»³⁰. Для этого необходимо «создать прочное и долговечное правительство, а не зыбкое и меняющееся, как вам предлагают». Дюпор обрушивался на оппонентов — «толпу непросвещенных людей, повторяющих: ... первая легислатура (после Учредительного собрания. — С.Б.) станет Конституантой, чтобы подготовить Конституцию, более соответствующую Декларации прав», но тогда «обычным состоянием страны будет состояние революции». Оратор восставал против положения, когда каждые два года, после окончания деятельности очередного парламента, менялось бы все: мнения, принципы управления, финансы, налоги, договоры о союзе и торговле³¹. А именно такое развитие событий, по его мысли, станет неизбежным при запрете на переизбрание законодателей. Он потребовал, чтобы «народ не лишали права выбора депутатов, которые ему нравятся»³².

Речи Туре и Дюпора произвели впечатление на парламентскую аудиторию, которая даже проголосовала за их напечатание. И все же победителем в дискуссии стал Робеспьер. Конечно, такой результат проистекал во многом из сложившейся в мае 1791 г. расстановки сил по рассматриваемому вопросу. Но надо отдать должное и самому Робеспьеру, произнесшему одну из наиболее удачных своих речей. Она была хорошо продуманной и с тактической точки зрения.

В его выступлении содержалась восторженная, но в общем справедливая оценка Собрания: оно «выдержало труды, грандиозность и продолжительность которых казались выше человеческих сил». Вместе с тем Робеспьер констатировал сильное переутомление депутатского корпуса. Он назвал парламентариев «победившими, но уставшими атлетами» и советовал передать эстафету законодательной работы свежим и крепким последователям, оставив о себе самую хорошую память у соотечественников³³.

Значимое место в робеспьеровском выступлении занимали его оппоненты. Политик противопоставлял их всей массе законодателей, просвещенных и проникнутых гражданственностью. Оппоненты же изображались небольшой группой, не отражавшей общественной воли, а следовавшей своим капризам и частным интересам. Любопытно и не случайно, что выступавший закрепил за этими людьми ярлык «ораторы». Он стремился показать, что своим выдвижением они обязаны не способностям, не моральным качествам или политическим принципам, а умению переговорить коллег. Тем самым обозначились истоки ревности Робеспьера и части законодателей к успехам собратьев по парламенту. Когда он заявлял, что не любит новую науку, называемую «тактикой больших ассамблей»³⁴, то давал понять: победы лидеров Собрания достигнуты благодаря хитрости, а не подлинным достоинствам.

Особенность его речи заключалась в постепенном нагнетании неприязни к противникам. Сначала он представлял «ораторов» ловкачами, затем честолюбцами и интриганами, потом коррупционерами и, наконец, угнетателями народа. Этой тирании, уверял радикальный деятель, подобные депутаты будут добиваться уже в союзе с министерством и двором³⁵.

Робеспьер обнаружил владение тактическими приемами, утверждая, что либеральные оппоненты хотят наполнить умы страхом, используя такие понятия-ярлыки, как

³⁰ Ibid., p. 149.

³¹ Ibid., p. 150–151.

³² Ibid., p. 153.

³³ *Robespierre M.* Op. cit, p. 387.

³⁴ Ibid., p. 385.

³⁵ Ibid., p. 385–386.

«анархия» и «аристократия». Тем самым, ловкий политик, он добивался цементирования разрозненных «отрядов» так называемых «крайне левых» и «правых»³⁶.

Эту речь, удачную по содержанию и по форме, парламент встретил восторженно. Слабые попытки затянуть дискуссию быстро провалились. Предложение Робеспьера было принято под аплодисменты в следующей редакции: «Члены настоящей Национальной Ассамблеи не могут быть переизбраны в следующую легислатуру»³⁷.

Споры о переизбрании носили ожесточенный характер и нередко увязывались с различным пониманием принципов народного суверенитета и представительного правления. Набиравший популярность радикал Робеспьер добивался постоянного и решающего воздействия народа на политические процессы, что достигалось благодаря поведению его представителей. Они не должны были выделяться из народной среды и после окончания своих полномочий могли свободно интегрироваться в число обычных граждан. Избрание депутатов на новый срок увеличивало бы опасность искушения властью и подкупа, превращения в агентов двора, действующих против народа. Робеспьер оговаривал решительное неприятие повторного выдвижения парламентариев прежде всего нравственными проблемами.

Другое видение народовластия предлагали либералы. Принцип народного суверенитета означал для Туре ничем не стесняемый выбор нацией своих представителей. Именно избирательные права граждан он и его единомышленники считали основой политической системы новой Франции. Исполнение этих прав несло стране мир, канализировало революцию в спокойное русло. Запрет же на переизбрание действующих депутатов, как подчеркивал Дюпор, напротив, вел к разрыву преемственности, к хаосу во внутренних делах и внешнеполитических договоренностях.

Отказ от переизбрания нанес сильный удар по либеральной политической элите. К еще большей радикализации революции привели события, связанные с попыткой бегства короля, следствием чего стал рост демократических и даже республиканских настроений. Конституция – результат самозабвенной работы депутатов Учредительного собрания – не продержалась и года. Зато позиции Робеспьера в общественном мнении революционной Франции после принятия инициированного им закона заметно окрепли.

³⁶ Ibid., p. 388.

³⁷ AP, t. XXVI, p. 127.